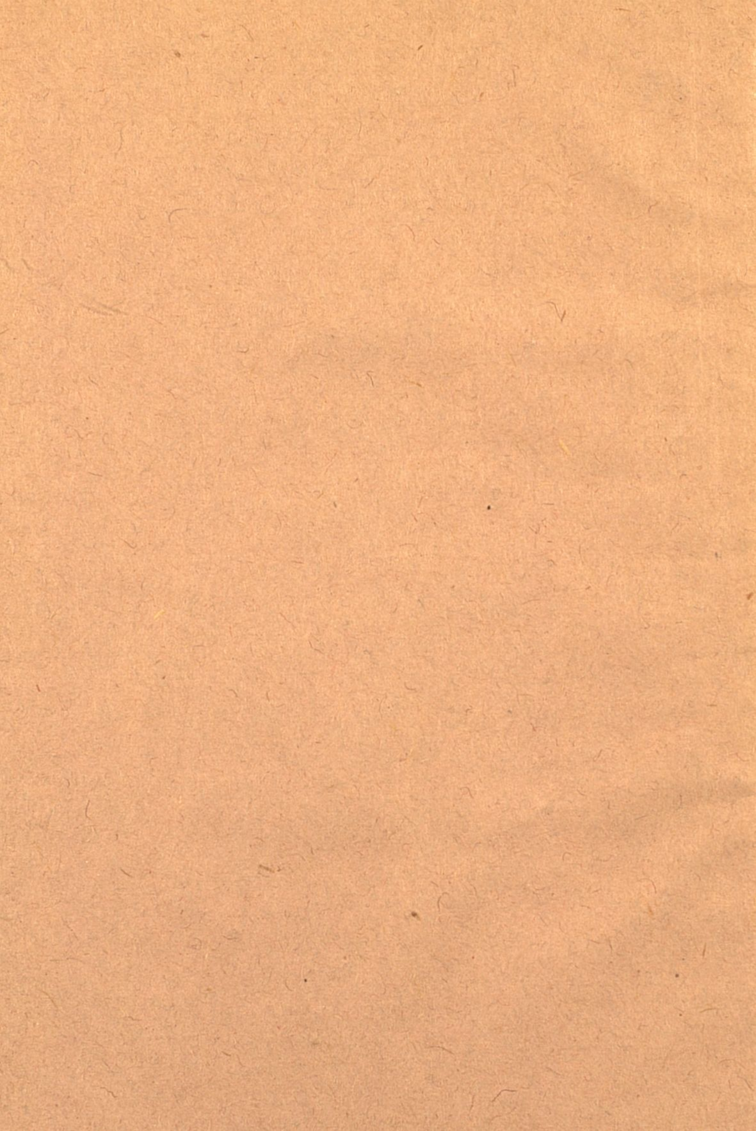

святогор,
вольга и
микула

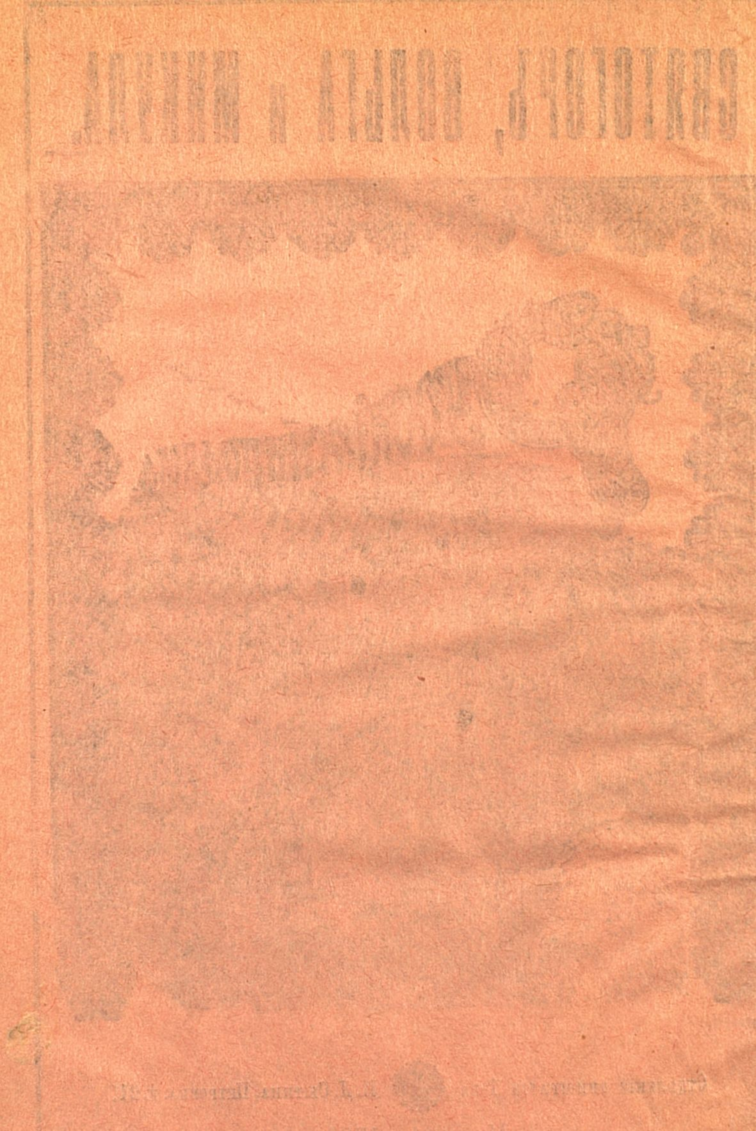

СВЯТОГОРЪ, ВОЛЬГА и МИКУЛА.

Русскія народныя былины.

Отдѣленіе типографіи Т-ва И. Д. Сытина, Петровка, д. 21.

Москва.—1903.

РУССКІЯ НАРОДНЫЯ БЫЛИНЫ.

СВЯТОГОРЪ, ВОЛЬГА

и

МИКУЛА.

По сборникамъ Кирши-Данилова, Кирѣевскаго, Рыбникова и Гильфердинга.

Составлено В. и Л. Р—нъ.

МОСКВА

Отдѣленіе типографіи Т-ва И. Д. Сытина, Петровка, д. Грачева

1903

Дозволено цензурою. Москва, 18 сентября 1902 года

СВЯТОГОРЪ, ВОЛЬГА и МИКУЛА.

Святогоръ богатырь.

Снарядился Святогоръ во чисто поле гу-
лятии,
Засѣдлалъ своего добраго коня
И ѣдетъ по чисту полю.
Не съ кѣмъ Святогору силой помѣряться
А сила-то по жилочкамъ
Такъ живчикомъ и переливается;
Грузно отъ силушки, какъ отъ тяжелаго бре-
мени.
Вотъ и говоритъ Святогоръ:
„Какъ бы и тяги нашелъ,
Такъ я бы всю землю поднялъ!“
Наѣзжаетъ Святогоръ въ степи
На маленькую сумочку переметную,

Беретъ погонялку, пощупаетъ сумочку, — она
не скрянется,
Двинетъ переметомъ ее, — не сворохнется,
Хватитъ съ коня рукой, — не подымется.
„Много годовъ я по свѣту ѣзживалъ,
А этакого чуда не наѣзживалъ,
Такого чуда не видывалъ:
Маленькая сумочка переметная
Не скрянется, не сворохнется, не подымется!“
Слѣзаетъ Святогоръ съ добраго коня, —
Ухватилъ онъ сумочку обѣими руками,
Поднялъ сумочку повыше колѣнъ:
И по колѣна Святогоръ въ землю угрязъ.
А по бѣлу лицу не слезы, а кровь течетъ.
Гдѣ Святогоръ угрязъ, тутъ и встать не
могъ:
Тутъ ему было и конченіе.

Святогоръ и Илья.

На тѣхъ горахъ высокихъ,
На той на Святой горѣ
Былъ богатырь чудный,
Что ль во весь же міръ онъ дивный,
Во весь же міръ былъ дивный—
Не ѣздилъ онъ на святую Русь,
Не носила его мать сыра-земля.
Хотѣлъ узнать казакъ нашъ Илья Муромецъ
Славнаго Святогора нашъ богатыря.
Отправляется казакъ нашъ Илья Муромецъ
Къ тому же Святогору тутъ богатырю,
На тѣ было горы, на высокія.
Видитъ: ѣдетъ богатырь выше лѣсу стоячаго,
Головой упирается подъ облако ходячее.
Пріѣзжаетъ тутъ казакъ да Илья Муромецъ

Къ тому же Святогору да богатырю.
Пріѣзжаетъ-то къ нему да поблизехонько,
А и поклонъ ведетъ да понизехонько:
„Здравствуешь, богатырище порный (крѣпкій),
Порный богатырь ты да дивный!“
— Ты откуда, добрый молодецъ,
Какъ тя нарекаютъ по отчеству?
— „Я изъ города нынѣ Муромля,
А села да Карачарова,
Я старый казакъ да Илья Муромецъ.
Захотѣлъ я посмотрѣть Святогора, нынь богатыря:
Онъ не ѣздитъ нынь на матушку сыру-землю,
Какъ намъ богатырямъ да онъ не явится“.
Отвѣчаетъ богатырь было первый (крѣпкій):
„Я бы ѣздилъ тутъ на матушку сыру-землю—
Не носитъ меня мать сыра-земля,
Мнѣ не придано тутъ ѣздить на святую Русь,
Мнѣ позволено тутъ ѣздить по горамъ да по высокіимъ
Да по щелейкамъ (скаламъ) по толстыимъ.
А ты, старый казакъ да Илья Муромецъ!

Мы съѣздимъ же ка нынче по щелейкамъ,
А поѣздимъ-ко со мной да по Святымъ горамъ!"
А побратались они крестами съ Ильей Муромцемъ,
Назвались они крестовыми братьями.
Выучилъ Святогоръ Илью
Всѣмъ похваткамъ, поѣздкамъ богатырскимъ.
Ѣздили они было по щелейкамъ,
Разъѣзжали тутъ они да по Святымъ горамъ,
Ѣздили они по многу времени.
Ѣздили они да забавлялися,
Находили тутъ они да чудо-чудное,
Чудо-чудное да диво-дивное:
Находили плащаницу да огромную.
Говоритъ богатырь Ильѣ Муромцу:
„Ахъ, ты, старый казакъ да Илья Муромецъ!
Ты ложись-ка въ плащаницу да въ огромную,
Что она тебѣ поладится ль!"
Спустилоя казакъ да Илья Муромецъ,
Спустился тутъ казакъ да и съ добра коня,

А ложился было въ гробъ въ этотъ въ огромный.
А этотъ гробъ да Ильѣ Муромцу да дологъ есть;
Опускается богатырь Святогорскій
А со того было съ добра коня,
А ложился въ плащаницу онъ во дивную,
Та же плащаница да по немъ пришла,
Самъ же съ плащаницы тутъ не выстанетъ.
„Ахъ, ты, старый казакъ да Илья Муромецъ!
Ты выздынь съ плащаницы да огромныя“.
Приставае тутъ казакъ да Илья Муромецъ
Къ Святогору да богатырю,
Да не могъ поднять онъ Святогора тутъ богатыря
А съ того гроба глубокаго.
Говоритъ же богатырь Святогорскій:
„Ты сломай-ка эти щелья да высокія;
А повыздань-ка съ гроба меня глубокаго“.
Старый казакъ да Илья Муромецъ
Какъ ударилъ своей палицей
Да по щелейки по толстыя
А по той горѣ да по высокія,

Ставился тутъ обручъ да желѣзный
Черезъ тотъ да гробъ еще великій,
Черезъ тую плащаницу было дивную.
Бьетъ тутъ Илья Муромецъ да другой разъ,
Что ударитъ—тутъ же обручъ было ставится.
Отвѣчаетъ тутъ богатырь Святогорскій:
„Видно, мнѣ тутъ Богъ и смерть судилъ.
Ахъ, ты, старый казакъ да Илья Муромецъ!
А ты съѣзди-тко да къ моему было родителю,
Къ древнему да батюшку.
Къ древнему да темному,
Ты проси-ка у моего родителя у батюшки
Мнѣ-ка вѣчнаго прощеньица".
Отправляется казакъ да Илья Муромецъ
Отъ того же Святогора прочь богатыря
На ту на гору Палаонскую,
А къ тому же старику да было древнему,
Хоть бы древнему да темному.
„Здравствуешь, престарый да дѣдушка,
Древній да темный!
Я привезъ тебѣ поклонъ да челобитьице
Отъ сына твоего любимаго.
Отъ того же Святогора и богатыря;

Проситъ онъ прощеньица да вѣчнаго.
Какъ легъ же онъ въ плащаницу (гробъ) онъ
въ огромную,—
Я оттыль не могъ его повыздынуть".
Разсердился тутъ старикъ да было темный,
Темный старикъ да было древній:
„Знать, убилъ же Святогора ты богатыря,
Пріѣзжаешь нынь ко мнѣ-ка-за со вѣдома,
Ты привозишь мнѣ-ка вѣсточку нерадостну".
Какъ хватитъ тутъ же палицу да богатыр-
скую,
Да помахнетъ да во богатыря.
А и богатырь увернется,
Да старикъ тутъ образумится.
Далъ ему да вѣчное прощеньице
Святогору да богатырю,
Да и сыну да любезному.
Пріѣзжалъ тутъ казакъ да Илья Муромецъ
Ко Святогору да богатырю;
Онъ привозитъ тутъ прощенье ему вѣчное,
Съ нимъ же онъ да тутъ прощается,
Святогоръ же тутъ да онъ кончается.

Вольга Всеславьевичъ.

Закатилось красное солнышко
За горушки высокія, за моря за широкія,
Разсаждалися звѣзды чистыя по свѣтлу небу:
Порождался Вольга сударь Всеславьевичъ
На матушкѣ на святой Руси.
Подрожала сыра земля,
Стряслося славно царство Индѣйское,
А и сине море сколебалося
Для ради рожденья богатырскаго
Молода Вольга Всеславьевича.
Рыба пошла въ морскую глубину,
Птица полетѣла высоко въ небеса,
Туры да олени за горы пошли,
Зайцы, лисицы по чащицамъ,
А волки, медвѣди по ельникамъ.

Соболи, куницы по островамъ.
А и будетъ Вольга въ полтора часа,
Вольга говоритъ—какъ громъ гремитъ:
„А и гой еси, сударыня матушка,
Молодая Мароа Всеславьевна!
А не пеленай во пелену черевчатую,
А не поясп во поясья шелковые,
Пеленай меня, матушка,
Во крѣпки латы булатныя,
А на буйну голову клади златъ шеломъ,
Во праву руку—палицу,
А тяжку палицу свинцовую.
А вѣсомъ та палица девяносто пудъ!“
А и будетъ Вольга семи годовъ,
И пошелъ Вольга сударь Всеславьевичъ
Обучаться всякихъ хитростей-мудростей:
Птицей летать да подъ оболоку,
Рыбою ходить да во глубоки стана,
Звѣрями ходить да во темны лѣса.
А и будетъ Вольга во двѣнадцать лѣтъ,
Собиралъ дружину себѣ добрую,
Добрую дружину, хоробрую,
Тридцать молодцевъ безъ единаго,

Самъ еще Вольга въ тридцатыихъ.
„Дружина;—скажетъ,—моя добрая, хоробрая!
Слухайте большаго братца, атамана-то,
Вейте веревочки шелковыя,
Становите веревочки по темну лѣсу,
Становите веревочки по сырой землѣ,
По ближности славнаго синя моря,
И ловите вы куницъ и лисицъ,
Дикихъ звѣрей и черныхъ соболей,
И ловите по три дня и по три ночи“.
Слухали большаго братца, атамана-то,
Дѣлали дѣло повелѣнное:
Вили веревочки шелковыя,
Становили веревочки по темну лѣсу,
По темну лѣсу, по сырой землѣ,
Ловили по три дня и по три ночи,
Не могли добыть ни одного звѣрька.
Обернулся Вольга сударь Всеславьевичъ
левомъ-звѣремъ,
Поскочилъ по сырой землѣ, по темну лѣсу.
Заворачивалъ куницъ, лисицъ
И дикихъ звѣрей, черныхъ соболей,
Большихъ, поскакучіихъ заюшекъ,

Малыхъ горностаюшекъ
Ко тому ли ко славному синю морю,
Во тѣ ли во тенетья шелковыя.
И будетъ во градѣ во Кіевѣ
Со своею дружиною со доброю,
И скажетъ Вольга сударь Всеславьевичъ:
„Дружинушка ты моя добрая, хоробрая!
Слушайте большаго братца, атамана-то,
Славьте-тко пасточки дубовыя,
Силышки вы ладьте-тко шелковыя,
Становите силышки на темный лѣсъ,
На темный лѣсъ, на самый верхъ,
Ловите гусей-лебедей, ясныхъ соколей
И малую птицу-пташицу“.
И слухали большаго братца, атамана-то,
Дѣлали дѣло повелѣнное:
Вили силышки шелковыя,
Становили силышки на темный лѣсъ,
На темный лѣсъ, на самый верхъ,
Ловили по три дня и по три ночи,
Не могли добыть ни одной птички.
Повернулся Вольга сударь Васильевичъ
Науй-птицей,

Полетѣлъ по подоблачью,
Заворачивалъ гусей-лебедей, ясныхъ соколей
И малу птицу-пташицу.
И будутъ въ городѣ во Кіевѣ
Со своей дружинушкой хороброю;
Скажетъ Вольга сударь Всеславьевичъ.
„Дружина моя добрая, хоробрая!
Слухайте большаго братца, атамана-то,
Дѣлайте вы дѣло повелѣнное:
Возьмите топоры древорубные
Стройте суденышки дубовыя,
Вяжите вы тоневья шелковыя,
Выѣзжайте вы на сине-море,
Ловите рыбу семжинку и бѣлужинку,
Щученку и плотиченку
И дорогую рыбу осетринку,
И ловите по три дня и по три ночи“.
И слухали большаго братца, атамана-то,
Дѣлали дѣло повелѣнное:
Брали топоры древорубные,
Строили судонышко дубовое,
Вязали тенетья шелковыя,
Выѣзжали на сине море;

Ловили по три дня, по три ночи, —
Не могли добыть ни одной рыбки.
Повернулся Вольга сударь Всеславьевичъ
рыбой щучиной
И побѣжалъ по синю морю,
Заворачивалъ рыбу семжинку и бѣлужинку,
Дорогую рыбу осетринку
Съ тѣхъ становъ съ глубокіихъ
Во тыи во тенетья шелковыя.
И будутъ во градѣ во Кіевѣ
Со своею дружиною со доброю,
И скажетъ Вольга сударь Всеславьевичъ:
„Дружина моя добрая, хоробрая!
А и есть ли, братцы, у васъ такой человѣкъ,
Кто бы обернулся гнѣдымъ туромъ,
А сбѣгалъ бы ко царству Индѣйскому,
Провѣдалъ бы про царство Индѣйское,
Про царя Салтыка Ставрульевича,
Про его буйну голову Батыевичу.
Что онъ, царь, совѣтуетъ
Со своею царицею Азвяковною,
Думаетъ ли ѣхать на святую Русь?“
Какъ бы лестъ со травою пристилается,

Отвѣчаютъ ему удалы добры молодцы.
„Нѣтъ у насъ такого молодца,
Опричь тебя, Вольги Всеславьевича!“
И тутъ таковой Всеславьевичъ
Онъ обернулся гнѣдымъ туромъ-золотые рога,
Побѣжалъ онъ ко царству Индѣйскому,
Онъ первый скокъ за цѣлу версту скачилъ,
А другой скокъ не могли найти.
Повернулся Вольга сударь Всеславьевичъ
Малой птицей-пташицей,
Полетѣлъ онъ не подоблачью,
И будетъ въ царствѣ Индѣйскомъ
И сѣлъ на палаты бѣлокаменны,
На тѣ на палаты царскія,
Къ тому царю индѣйскому
И на то окошечко косящатое,
А и буйные вѣтры по насту тянутъ,
Царь со царицей въ разговорѣ говорятъ:
„Ай же ты, царица Азвякова,
Я знаю, про то вѣдаю:
На Руси-то трава растетъ не по-старому,
Цвѣты цвѣтутъ не попрежнему,
А видно Вольги-то живого нѣтъ!“

Говоритъ царица Азвяковна:
„А и гой еси ты, славный индѣйскій царь!
На Руси трава все растетъ по-старому,
И цвѣты-то цвѣтутъ попрежнему,
А ночесь спалось, во сняхъ видѣлось,
Бывъ сподъ восточнія сподъ сторонушки
Налетѣла птица—малая-пташица,
А сподъ западней сподъ сторонушки
Налетѣла птица—черный воронъ;
Слетались онѣ во чистомъ полѣ,
Слеталися, подиралися;
Малая-то птица-пташица
Чорнаго ворона повыклевала,
По перышку она повыщипала
И на вѣтеръ все повыпускала!“
— Ай же ты, царица Азвяковна!
Поѣду я воевать на святую Русь,
Завоюю на Руси девять городовъ,
Подарю своихъ девять сыновъ,
Привезу тебѣ шубенку дорогую,—
Говоритъ царица Азвяковна:
„А не взять тебѣ девяти городовъ,
И не подарить тебѣ девяти сыновъ,

И не привести тебѣ шубенку дорогую!“
Этыя рѣчи царю не слюбилися —
Ударилъ онъ царицу по бѣлу лицу,
И пролилъ у царицы кровь напрасную,
Напрасную кровь, безповинную.
Повернулся Вольга сударь Всеславьевичъ
Малымъ горностаюшкомъ,
Бѣгалъ по подваламъ, по погребамъ,
У тугихъ луковъ тетивки нокусывалъ,
У каленыхъ стрѣлъ желѣзки повынималъ,
У того ружья у огненнаго
Кременья и шомполъ повыдергалъ,
А все онъ въ землю закапывалъ.
Повернулся Вольга сударь Всеславьевичъ
Малою птицей-пташицей,
Звился онъ высоко по поднебесью,
Полетѣлъ онъ далече во чисто поле,
Полетѣлъ къ своей дружинѣ хоробрыя;
Дружина спитъ, Вольга не спитъ,
Разбудилъ онъ удалыхъ добрыхъ молодцевъ:
„Гой еси, вы, дружина хоробрая!
Не время спать, пора вставать!
Пойдемъ мы ко царству Индѣйскому“,

Дружина спитъ, Вольга не спитъ,
Онъ обернется сѣрымъ волкомъ,
Бѣгалъ, скакалъ по темнымъ лѣсамъ и
раменью,
А бьетъ онъ звѣри сохатые,
А и волку, медвѣдю спуску нѣтъ,
А и соболи, барсы—любимый кусъ,
Онъ зайцамъ, лисицамъ не брезгивалъ;
Вольга поилъ, кормилъ дружину хоробрую,
Обувалъ, одѣвалъ добрыхъ молодцевъ,
Носили они шубы соболиныя,
Перемѣнныя шубы-то барсовыя.
Дружина спитъ, Вольга не спитъ,
Онъ обернется ясныыъ соколомъ,
Полетѣлъ онъ далече на сине море;
А бьетъ онъ гусей, бѣлыхъ лебедей,
А и сѣрымъ малымъ уткамъ спуску нѣтъ.
А поилъ, кормилъ дружинушку хоробрую,
А всё у него были яства перемѣнныя,
Перемѣнныя яства, сахарныя.
И пришли они ко стѣнѣ бѣлокаменной;
Крѣпка стѣна бѣлокаменна,
Ворота у города желѣзныя,

Крюки, засовы всѣ мѣдные,
Стоятъ караулы денны-нощны,
Стоитъ подворотня дорогъ рыбій зубъ,
Мудрены вырѣзы вырѣзаны —
А и только къ вырѣзу мурашу пройти.
И всѣ молодцы закручинились,
Закручинилися, запечалилися,
Говорятъ таковы слова:
„Потерять будетъ головки напрасныя,
А и какъ намъ будетъ стѣну пройти?“
Молодой Вольга онъ догадливъ былъ:
Самъ обернулся мурашикомъ
И всѣхъ добрыхъ молодцевъ мурашками:
Прошли они стѣну бѣлокаменну
И стали молодцы ужъ на другой сторонѣ,
Во славномъ царствѣ Индѣйскомъ,
Всѣхъ обернулъ добрыми молодцами;
Со своею стали сбруей со ратною
И силу индѣйскую въ полонъ брали.
Онъ злата, серебра выкатилъ,
А и коней, коровъ табуномъ дѣлилъ,
А на всякаго брата по сто тысячей.

Вольга Всеславьевичъ и Микула Селяниновичъ.

Во славномъ во городѣ во Кіевѣ,
У Ласковаго князя Владимира
Былъ любимый племянничекъ,
Молодой Вольга Всеславьевичъ.
Жаловалъ его родной дядюшка,
Ласковый Владимиръ стольно-кіевскій,
Тремя городами со крестьянами:
Первымъ городомъ—Гурцевцомъ,
Другимъ городомъ—Орѣховцемъ,
Третіимъ городомъ—Крестьяновцемъ.
Молодой Вольга Всеславьевичъ
Со своей дружинушкой хороброю
Онъ поѣхалъ къ городамъ за получкою.

Выѣхалъ въ раздольице чисто полѣ,
Онъ услышалъ въ чистомъ полѣ ратая;
Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,
Сошка у ратая поскрипываетъ,
Омѣшики по колеешкамъ почеркиваютъ.
Ѣхалъ Вольга до ратая
День съ утра до вечера,
Съ своею дружинушкой хороброей,
А не могъ онъ до ратая доѣхати.
Ѣхалъ Вольга еще другой день,
Другой день съ утра до вечера,
А не могъ онъ до ратая доѣхати.
Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,
Сошка у ратая поскрипываетъ,
Омѣшки по камешкамъ почеркиваютъ.
Ѣхалъ Вольга еще третій день,
Третій день съ утра до набѣдья,
Наѣхалъ онъ въ чистомъ полѣ ратая:
Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,
Съ края въ край бороздки пометываетъ:
Въ край онъ уѣдетъ—другого не видать,
Коренья, каменья повертываетъ,
А великіе-то всѣ каменья въ борозду валитъ;

Кобыла у ратая соловая,
Сошка у ратая кленовая,
Гужики у ратая шелковые,
Омѣшики на сошкѣ булатные,
Присошечекъ у сошки серебряный,
А рогачикъ-то у сошки красна золота,
А у ратая кудри качаются,
Что не скатенъ ли жемчугъ, разсыпаются.
У оратая глаза да ясна сокола,
А брови у него да черна соболя.
Говорилъ Вольга таковы слова:
„Божья ты помочь, оратаюшка!
Орать, да пахать, да крестьянствовати!
Съ края въ край борозды пометывати,
Коренья, каменья вывертывати!"
Говоритъ оратай таковы слова:
—Поди-ко, Вольга Всеславьевичъ,
Во своею со дружинушкой хороброю,
Мнѣ-ка надобна Божья помощь крестьянство-
вати.
Далеко ль, Вольга, ѣдешь, куда путь держишь
Во своею со дружинушкой хороброю?
„Ай же ты, ратай, ратаюшко!

Ѣду къ городамъ за получкою:
Ко первому городу ко Гурцевцу,
Ко другому ко городу къ Орѣховцу,
Ко третьему городу ко Крестьяновцу".
Говорилъ оратай таковы слова:
—Ай же, Вольга Всеславьевичъ!
А недавно я былъ въ городѣ, третьеводня,
На своей кобылѣ соловой;
Увезъ я оттоль соли только два мѣха,
Два мѣха соли по сороку пудъ.
И живутъ-то мужики все разбойники,
Они просятъ грошевъ подорожныхъ;
А былъ я съ шалыгой подорожною,
Платилъ имъ гроши подорожные:
Который стоя стоитъ, тотъ и сидя сидитъ,
А который сидя сидитъ, тотъ и лежа лежитъ.—
Говорилъ Вольга таковы слова;
„Ай же, оратай-оратаюшко!
Поѣдемъ со мною во товарищахъ!"
Этотъ оратай-оратаюшка
Гужики шелковеньки повыстегнулъ,
Кобылку изъ сошки повывернулъ,
Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали.

Говоритъ оратай таковы слова:
—Ай же, Вольга Всеславьевичъ!
Оставилъ я сошку въ бороздочкѣ,
И не для ради прохожаго, проѣзжаго,
И не для ради мужика-деревенщины.
Какъ бы сошку съ земельки повыдернути,
Изъ омѣшиковъ земельку повытряхнути
И бросить бы сошку за ракитовъ кустъ?
Молодой Вольга Всеславьевичъ
Посылаетъ онъ съ дружинушки хоробрыя
Пять молодцевъ могучіихъ,
Чтобы сошку съ земельки повыдернули,
Изъ омѣшиковъ земельку повытряхнули,
Бросили бы сошку за ракитовъ кустъ.
Это дружинушка хоробрая,
Пять молодцевъ могучіихъ
Пріѣхали къ сошкѣ кленовыя:
Они сошку за обжи вокругъ вертятъ,
А не могутъ сошки съ земельки повыдернуть,
Бросить сошки за ракитовъ кустъ.
Молодой Вольга Всеславьевичъ
Посылаетъ онъ цѣлымъ десяточкомъ,
Чтобы сошку съ земельки повыдернули,

Бросили бы сошку за ракитовъ кустъ.
Они сошку за обжи вокругъ вертятъ—
Сошки отъ земли поднять нельзя,
Не могутъ изъ омѣшиковъ земельки повы-
тряхнуть,
Бросить сошку за ракитовъ кустъ.
Посылалъ онъ все дружинушку хоробрую:
Они сошку за обжи вокругъ вертятъ,
А не могутъ сошки съ земельки повыдернути,
Изъ омѣшиковъ земельки повытряхнути,
Бросить сошку за ракитовъ кустъ.
Подъѣхалъ оратай-оратаюшко
На своей кобылкѣ соловенькой
Къ этой-то сошкѣ кленовоей:
Бралъ-то онъ сошку одной рукой,
Сошку съ земельки повыдернулъ,
Изъ омѣшковъ земельку повытряхнулъ,
Бросилъ сошку за ракитовъ кустъ.
Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали.
Оратая кобылка-то рысью идетъ,
А Вольгинъ-то конь и поскакиваетъ;
У оратая кобылка-то грудью пошла,
А Вольгинъ-отъ конь оставается,

Сталъ Вольга тутъ покрикивати,
Колпакомъ Вольга сталъ помахивати:
„Постой-ка ты, ратай-ратаюшка!
Эта кобылка конькомъ бы была,—
За эту кобылку пятьсотъ бы дали“,
Говоритъ оратай таковы слова:
—Глупый Вольга Всеславьевичъ?
Взялъ я кобылку жеребчикомъ сподъ матушки
И заплатилъ за кобылку пятьсотъ рублей;
Этакая кобылка конькомъ бы была,
За эту кобылку смѣты бы нѣтъ.—
Тутъ возговорилъ молодой Вольга ему Все-
славьевичъ:
„Ай же ты, ратай-ратаюшко!
Ты скажи-ка мнѣ, да не потай себя,
Какъ-то тебя именемъ зовутъ,
Какъ звеличаютъ по отчеству?“
Говоритъ оратай таковы слова:
—Знать же молодца по выѣзду,
Сильнаго могучаго богатыря по храбрости.—
Тутъ возговорилъ молодой Вольга ему Все-
славьевичъ:
„Ай же ты, ратай-ратаюшко!

Ты скажи-ка мнѣ, да не потай себя.
Какъ-то тебя именемъ зовутъ,
Какъ звеличаютъ по отчеству?“
Говорилъ оратай таковы слова:
—Ай же, Вольга Всеславьевичъ!
А я ржи напашу, да во скирды сложу,
Во скирды складу, домой выволочу,
Домой выволочу, да дома вымолочу,
Драни надеру, да и пива наварю.
Пива наварю, да и мужиковъ напою.
Станутъ мужики меня покликивати:
Молодой Микулушка Селяниновичъ!—

ПРОДАЕТСЯ ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

МОСКВЫ и С.-ПЕТЕРБУРГА.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

ТОВАРИЩЕСТВА

И. Д. Сытина.

Въ Москвѣ: 1) у Ильинскихъ воротъ, домъ Титова.
2) на Никольской ул., д. гр. Орлова-Давыдова.
3) на Никольской ул., д. Заиконоспасскаго монастыря.

Въ С.-Петербургѣ: Большая Садовая, № 25.

Въ Кіевѣ: Подолъ, Гостиный дворъ.

Въ Варшавѣ: Краковское Предмѣстье, д. № 1.

Въ Екатеринбургѣ: Покровскій проспектъ, д. Поповичевой.

Въ Одессѣ: уголъ Преображенской и Еврейской ул., д. Летникова, № 53.

Въ Воронежѣ: на Московской ул.

Въ Нижегородской ярмаркѣ: на Шоссе.

